

II.

Краткія свѣдѣнія о поступленіи Петра Могилы на кіево-печерскую архимандрію, сообщаемыя его біографами. — Недостовѣрность этихъ свѣдѣній. — Причины, побудившія П. Могилу искать пастоятельство въ Лаврѣ. — Промежутокъ времени, протекшій отъ смерти З. Копыстенскаго до поступленія на его мѣсто П. Могилы. — Германъ Тышкевичъ и Василій Копыстенскій — соперники Могилы, желавшіе получить пастоятельство въ кіево-печерской обители. — Причины, по которымъ нѣкоторые изъ лаврскихъ братій не желали имѣть П. Могилу своимъ архимандритомъ. — Сторонники Могилы, содѣйствовавшіе ему получить означенное мѣсто. — Данныя, на основаніи которыхъ можно (приблизительно) опредѣлить время посвященія Могилы въ санъ архимандрита.

О вступленіи Петра Могилы на кіево-печерскую архимандрію у его біографовъ находятся слѣдующія краткія свѣдѣнія: 8 апрѣля 1626 г., въ среду страстной седмицы, скончался кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій. Послѣ его смерти братія раздѣлилась во мнѣніяхъ относительно избранія себѣ новаго архимандрита и, вслѣдствіе этого, около двухъ лѣтъ не имѣла его. Наконецъ, хотя не единогласно, а по настоянію нѣкоторыхъ, мѣсто Копыстенскаго предоставлено было Петру Могилѣ, который въ 1628 (а по нѣкоторымъ даже въ 1629) году

митрополитомъ Ювомъ Борецкимъ и былъ посвященъ въ санъ кіево-печерскаго архимандрита ¹⁾).

Неизбѣжно являются вопросы — что были за причины, побудившія знатнаго молдавскаго воеводича промѣнять мечъ на монашескую мантию или — какъ выражались въ то время его панегиристы — добровольно попать ногами свѣтъ и послѣдовать Христу, и какъ понимать, сообщаемое біографами Могилы, извѣстіе о нежеланіи нѣкоторыхъ иноковъ кіево-печерской обители имѣть его своимъ архимандритомъ?

Нѣкоторые біографы Могилы, приурочивая принятіе имъ монашества къ 1625 году, — когда еще живъ былъ З. Копыстенскій и когда, слѣдовательно, на занятіе печерской архимандріи нельзя было разчитывать, — объясняютъ этотъ рѣшительный шагъ со стороны молдавскаго воеводича его склонностію къ тихой, иноческой жизни, а на возведеніе Могилы въ санъ архимандрита смотрятъ какъ на естественный результатъ его трехъ — лѣтнихъ аскетическихъ подвиговъ, обратившмъ на себя вниманіе лаврской братіи ²⁾. Но съ такимъ мнѣніемъ мы не можемъ согласиться. *Во первыхъ*, не вѣрно уже то, что Могила принялъ монашество въ 1625 г. и, такимъ образомъ, въ теченіи трехъ лѣтъ былъ прослытымъ инокомъ. Мелетій Смотрицкій въ своей *про-*

¹⁾ Описаніе кіево-печерской Лавры, 2 изд., стр. 144. Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1877 г. кн. 1. стр. 8 и друг.

²⁾ См. напр., статью о Петрѣ Могилѣ въ прибавл. къ Твор. св. от. за 1846 г. кн. IV.

тестацији, упоминая о соборѣ, бывшемъ 8 сентября 1627 г. въ Кіевѣ, говоритъ, что онъ былъ приглашенъ на этотъ соборъ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ и теперешнимъ (*протестација* издана была въ сентябрѣ 1628 г.) кіево-печерскимъ архимандритомъ Петромъ Могилою, *въ то время еще свѣтскимъ чловѣкомъ* ³⁾. Достоувѣрность этого свидѣтельства подтверждается: а) собственноручными записками П. Могила, изъ коихъ видно, что онъ въ 1626 и 1627 гг. не жилъ постоянно въ Кіевѣ, но бывалъ въ немъ въ качествѣ пріѣзжаго посѣтителя и при томъ въ свѣтскомъ званіи, и б) чудомъ, занесеннымъ въ *Тераторурѣ* у А. Кальнофойскаго, откуда можно заключать, что Могила поступилъ на кіево-печерскую архимандрію, не проходя иноческаго искуса ⁴⁾. *Во вторыхъ*, хотя П. Могила высоко ставилъ иноческое званіе, которое по его словамъ — „христіанскаго житія есть совершенство“, и, по отзыву одного изъ своихъ біографовъ прошлаго столѣтія, вступивши въ монастырь, „острою власяницею, тяжкимъ полувѣромъ и желѣзнымъ лангузомъ стискалъ и умерщвлялъ свое тѣло ⁵⁾“; ⁶⁾ но при этомъ не нужно забывать и того, что нашъ знаменитый митрополитъ, „при своей доброй и трезвенной жизни, не чуждъ былъ *желаній и славы свѣта сего* ⁶⁾“, а главное, по

³⁾ Прил. № LVII, стр. 323.

⁴⁾ *Тераторурѣ*... изд. 1638, суд. XXXI.

⁵⁾ См. біографическій очеркъ о Петрѣ Могила, составленный около 1770 г. кіево-выдубицкимъ монахомъ Іаковомъ (Кіев. губернс. вѣдом. 1859 г., № 43).

⁶⁾ *Latopisiec albo kroniczka, Joach. Jerlicza, I. 56—57.*

своему характеру, отнюдь не способенъ былъ къ жизни замкнутой, къ дѣятельности, ограничивающейся тѣсными предѣлами монашеской кельи.

Другіе изслѣдователи, говоря о поступленіи П. Могилы на кіево-печерскую архимандрію, выставляютъ на видъ, что событіе это не было явленіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, такъ какъ въ то время высшія іерархическія мѣста, дававшія право на пользованіе богатыми монастырскими или епископскими имѣніями, почти безъ исключенія были замѣщаемы людьми высшихъ свѣтскихъ классовъ; мѣста эти были доходною статьею знати, жадной до всего, что представляло матеріальныя выгоды⁷⁾... Очевидно, дѣлая такое сопоставленіе, изслѣдователи невольно бросаютъ чрезъ сіе на Петра Могилу ту тѣнь, которая лежитъ на большинствѣ южно-русскихъ іерарховъ того времени, почти всегда принимавшихъ духовный санъ по житейскимъ разчетамъ; невольно вызываютъ предположеніе: не личными ли только матеріальными разсчетами руководился и молдавскій воеводичъ, добиваясь управленія богатою кіево-печерскою обителію?... Но и это мнѣніе не можетъ быть принято нами, по крайней мѣрѣ, безъ значительныхъ поясненій. Мы не отрицаемъ того, что укоренившійся въ юго-западной Руси обычай, вслѣдствіе котораго высшія іерархическія мѣста занимались знатными людьми,—могъ имѣть и, по всей вѣроятности, имѣлъ не малое влія-

⁷⁾ Пекарскій въ статьѣ „Предств. кіев. учености въ половинѣ XVII стол.“. (Отеч. зап. 1862 г. февр. стр. 576).

ніе на рѣшеніе П. Могила сдѣлаться кіево-печерскимъ архимандритомъ; именно мы думаемъ, что, въ силу этого обычая, молдавскій воеводичъ не считалъ унижительнымъ для своего княжескаго званія занять одно изъ высшихъ іерхическихъ мѣстъ, такъ какъ подобныхъ мѣстъ, какъ мы видѣли, домогались не только знатнѣйшіе изъ магнатовъ, но даже и члены королевской фамиліи. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что П. Могила воспользовался указаннымъ обычаемъ въ видахъ своекорыстныхъ, для личной наживы: подобное мнѣніе не оправдывается ближайшимъ знакомствомъ съ послѣдующею жизнію и длѣтельностью нашего митрополита.

Для выясненія причинъ, побудившихъ знатнаго молдавскаго воеводича домогаться кіево-печерской архимандріи, нужно обратить вниманіе на особенное, исключительное положеніе тогдашней южно-русской православной церкви и на отношенія къ ней лучшихъ людей того времени, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ П. Могила

Въ двадцатыхъ годахъ ХVІІ столѣтія, въ то время, когда Могила избралъ мѣстомъ своего жительства Польскую Корону, въ западно-русскихъ областяхъ, входившихъ въ ея составъ, происходила самая оживленная религіозная борьба. Латиноуніатская пропаганда, сопровождавшаяся стѣпненіемъ совѣсти православныхъ, отнятіемъ у нихъ прежнихъ вольностей, ограниченіемъ ихъ правъ и т. п. репрессивными мѣрами,—вызывала со стороны православныхъ южно-русцевъ сильные протесты. Во-

просы вѣры сдѣлались насущными вопросами дня и всѣ лучшіе люди того времени считали своею священною обязанностию принимать въ рѣшеніи ихъ самое живое, непосредственное участіе. Всѣ прочія дѣла отодвигались на задній планъ. На частныхъ собраніяхъ, съ церковныхъ каѳедръ, въ судахъ, на сеймикахъ, вездѣ слышны разсужденія, жалобы и просьбы православныхъ о религіозной свободѣ, о церкви, о нарушенныхъ, чрезъ введеніе уніи, правахъ... Очевидно, что такое религіозное одушевленіе въ средѣ южно-русскаго народонаселенія не могло укрыться отъ П. Могилы и не могло не произвести на его воспріимчивую натуру глубокаго впечатлѣнія. Потомокъ заявившихъ себя горячею ревностию къ православной вѣрѣ молдо-влахійскихъ воеводъ, съ юнныхъ лѣтъ видѣвшій передъ собою живые примѣры благочестія, воспитанникъ львовскаго братства, поставившаго главною своею задачею борьбу съ иновѣрною пропагандою и утвержденіе православныхъ въ вѣрѣ отцевъ,—Могила не могъ „серцемъ не возболѣзновать, видячи то уставичне, ижъ лжебратія православія святаго суть барзо тяжкими и насильствующими православнымъ разными досадами и обидами“. Общее религіозное движеніе увлекло Могилу—и онъ примыкаетъ къ кругу передовыхъ личностей того времени, горячо ратовавшихъ за дѣло православія. Онъ часто—какъ мы видѣли—начинаетъ посѣщать Кіевъ, сдѣлавшійся къ этому времени средоточнымъ пунктомъ лучшихъ южно-русскихъ силъ, и входитъ по дѣламъ, касающимся религіозныхъ предметовъ, въ сношенія съ

православными іерархами и особенно съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, знакомымъ ему съ молодыхъ лѣтъ и дружественно къ нему расположеннымъ. Но Петръ Могила — какъ извѣстно — не былъ человѣкомъ дюжиннымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя если отдаются какому либо дѣлу, то отдаются ему всецѣло, посвящаютъ на его служеніе всѣ свои силы, оставаясь вѣрными излюбленной ими идеѣ до конца жизни. Не удивительно, что такое святое, возвышенное дѣло, какимъ въ разсматриваемое время была въ глазахъ всего южно-русскаго народонаселенія борьба съ противными православію началами, дѣло, въ ряду защитниковъ котораго стояли всѣ лучшія наличныя силы южно-русскаго общества, — поразило Могила своею грандіозностію и онъ рѣшился посвятить на служеніе ему всю свою жизнь и всецѣло соединить съ нимъ свои личные интересы .. Въ это время умираетъ Захарія Копыстенскій. Мѣсто архимандрита въ кіево-печерской Лаврѣ становится празднымъ. Такъ какъ означенная обитель была въ разсматриваемое время однимъ изъ главныхъ религіозныхъ центровъ въ юго-западной Руси и ея настоятели распространяли свое вліяніе далеко за предѣлы монастырскихъ владѣній, — то естественно, что освободившееся мѣсто Могила нашелъ вполне соотвѣтствовавшимъ его широкимъ планамъ относительно открывшейся передъ нимъ борьбы за интересы православія и, поэтому, усиленно сталъ домогаться означеннаго мѣста. Оно сдѣлалось дорогимъ для него, какъ одно изъ лучшихъ средствъ

для осуществленія его завѣтной мысли—возвеличенія православной церкви. Важное положеніе кіево-печерскаго архимандрита въ ряду прочихъ южно-русскихъ іерарховъ и большіе доходы, находившіеся въ его распоряженіи, высоко цѣнились Могилою,—но цѣнились, преимущественно, потому, что во всемъ этомъ онъ видѣлъ твердую опору, надежныя средства для борьбы съ могущественными противниками, сильно притѣснявшими православную церковь.

Но желаніе П. Могилы поступить на кіево-печерскую архимандрію, какъ мы видѣли изъ заявленія его біографовъ, встрѣтило сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ лаврскихъ братій.—Въ чемъ состояло это сопротивленіе и чѣмъ оно мотивировалось?

Прежде отвѣта на поставленные вопросы мы считаемъ нужнымъ точнѣе опредѣлять промежутокъ времени, протекшій отъ смерти З. Копыстенскаго до поступленія на архимандрію П. Могилы, такъ какъ та или другая его продолжительность въ данномъ случаѣ имѣетъ немаловажное значеніе.

Мы сказали, что смерть З. Копыстенскаго обыкновенно относятъ къ 8 *апрілю 1626 года*, а поступленіе на его мѣсто П. Могилы къ 1628 и даже къ 1629 *г.*, и, такимъ образомъ, полагаютъ, что кіево-печерская архимандрія оставалась незанятою (а слѣд. и борьба за нее П. Могилы продолжалась) около *двухъ съ половиною* или даже *около трехъ лѣтъ*.—Мы думаемъ, что время это должно быть значительно сокращено.

Во первыхъ, не вѣрно то, что З. Копыстенскій скончался 8 апрѣля 1626 года. Правда, изслѣдователи ссылаются въ данномъ случаѣ на довольно компетентный источникъ, именно на *Тератозор҃҃҃мѹ Кальнофойскаго*, гдѣ въ приводимой авторомъ надгробной надписи прямо говорится, что *do wiecznego szczęśliwości życia powołany Zachariasz Kopystenski, Archimandrita Pieczerski roku Panskiego 1626, w wielkiego tydnia w wielką srodę*⁸⁾. Но здѣсь относительно года смерти З. Копыстенскаго или ошибка со стороны Кальнофойскаго, или просто типографская опечатка; потому что *положительно извѣстно*, что Копыстенскій былъ еще живъ въ началѣ слѣдующаго года. Такъ въ февраль 1627 года изъ лаврской типографіи выпущенъ былъ въ свѣтъ „*Triodion*“ си есть трипѣснецъ святой великой четыредесятиницы отъ еллинскаго изслѣдованъ *благословеніемъ и тцаніемъ преподобнаю и православнаю отца к҃ръ Захарія Копыстенскаго, милостію Божією Архимандрита печерскаго кіевскаго*.“—На оборотѣ заглавнаго листа книги находится гербъ Копыстенскаго и посвятительные къ нему стихи; за тѣмъ слѣдуетъ предисловіе ко Преосвященнымъ, Боголюбивымъ, Священнымъ, Преподобнымъ и всѣмъ повсюду Православнымъ христіанамъ,“ написанное 17 февр. (тогоже 1627 г.) самимъ Захаріемъ Копыстенскимъ. Впрочемъ, можно думать, что это былъ уже послѣдній трудъ ревностнаго архимандрита, оконченный имъ не задолго до своей смерти. Убѣждая православныхъ любезно принять выпуска

⁸⁾ Тератозор҃҃҃ма, traktatu pierwszego paragraf wtory стр. 44.

емую въ свѣтъ святую книгу (*Triodionъ*), Коныстенскій въ концѣ предисловія обращается къ нимъ съ слѣдующею просьбою о себѣ: „усердно молю васъ о освященніи и православніи, *о миль ныль больнемъ, пишуцемъ сія*, молити: Аще есть угодно предъ лицемъ Господа моего, да даруетъ ми милость и здравіе, якоже Епифридиту Апостолу Филлиписейскому и съвоенику Апостола Павла дарова“.—Но если, такимъ образомъ, съ увѣренностію можно говорить, что въ надгробную надпись, приводимую Кольнофойскимъ, вкралась ошибка относительно года смерти З. Коныстенскаго, то съ такою же увѣренностію можно полагать, что ошибка не простирается на указываемый тою же надписью *день кончины* сего архимандрита; потому что а) означенный день опредѣляется не посредствомъ указанія на число извѣстнаго мѣсяца (гдѣ ошибку при обозначеніи числа цифрою допустить нетрудно), но чрезъ указаніе на *недѣлю и день* (скончался—говорится въ надписи— *въ великую среду страстной седмицы*); и б) вѣрность указанія надписи относительно недѣли и дня кончины подтверждается, до извѣстной степени, дошедшими до насъ документами, изъ коихъ видно, что кіево-печерскіе повѣренныя вели въ судахъ дѣла Лавры до половины марта 1627 г. *отъ имени архимандрита и капитулы*, а съ первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца — *отъ имени одной только капитулы*⁹⁾. Такимъ образомъ, указаніе нашихъ историковъ от-

9) Рукописные акты, находящіеся въ библ. кiev. дух. академіи и центральномъ архивѣ царств. польскаго.

носителю времени кончины З. Копыстенскаго должно исправить. Именно, 8 апр. 1626 г. слѣдуетъ замѣнить 21 марта 1627 г. (Этотъ день въ означенномъ году падаетъ на среду страстной седмицы).

Во вторыхъ, должно быть нѣсколько придвинуто вступленіе или, по крайней мѣрѣ, избраніе на киево-печерскую архимандрію самаго П. Могилы. Въ приложеніи нами помѣщена грамота Сигизмунда Ш, утверждающая избраніе Могилы въ санъ архимандрита¹⁰). Грамота помѣчена (по новому стилю) 29 мѣ ноября 1627 г. Но очевидно, что самое избраніе происходило ранѣе этого времени, и—думаемъ—значительно ранѣе. Избраніе происходило въ Кіевѣ, слѣдовательно нужно отложить нѣсколько дней для представленія избирательнаго акта королю; а главное, по приѣздѣ въ столицу, нужно было хлопотать объ утвержденіи королемъ елекціи, что въ виду другихъ претендентовъ на мѣсто Копыстенскаго (о которыхъ скажемъ ниже) очень долго тормозило дѣло Могилы,—по крайней мѣрѣ, не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Еще 13 октября 1627 г. Яковъ Маркартъ извѣщалъ изъ Варшавы униатскаго митрополита Рутскаго, что здѣсь non desunt, qui filio Hospodari faveant, ejusque electionem legitimam fuisse dicunt¹¹). Но если, такимъ образомъ, елекція Могилы была извѣстна въ Варшавѣ еще 13 октября (по старому стилю 5 октября), то она должна была происходить въ Кіевѣ, по крайней мѣрѣ, не позже половины сентября. А такъ какъ

¹⁰) Прилож. № LI.

¹¹) Прилож. № XLX.

известно, что 8 числа этого мѣсяца въ Кіевѣ открылся соборъ, на которомъ весьма естественно могъ возникнуть вопросъ о замѣщеніи вакантной кіево-печерской архимандріи, то, можно думать, что въ это именно время и состоялось избраніе Могилы на означенное мѣсто... Впрочемъ, есть основаніе относить елекцію Могилы ко времени еще болѣе раннему. Мы выше привели одно мѣсто изъ *протестаціи* Смотрицкаго, гдѣ онъ говоритъ, что ему сдѣлано было приглашеніе прибыть на кіевскій соборъ, назначенный на 8 сентября 1627 г., отъ кіевского митрополита Іова Борецкаго и отъ Цетра Могилы, въ то время еще человѣка свѣтскаго. Не страннымъ ли можетъ показаться, какимъ образомъ Могила—лице свѣтское — разсылаетъ приглашенія съ просьбою явиться на соборъ лицамъ духовнымъ? Поэтому, само собою является предположеніе: не состоялась ли уже въ то время елекція Могилы и не разсылали ли онъ—что будетъ весьма естественно—приглашенія на соборъ въ качествѣ *нареченнаго кіево-печерскаго архимандрита*?—Если послѣднее предположеніе вѣрно, то избраніе на архимандрію П. Могилы должно отодвинуть къ половинѣ августа, ко дню Успенія Пресвятой Богородицы, годовому празднику кіево-печерской Лавры, на который собирались все знатные обыватели земли кіевской, всегда принимавшіе участіе въ избраніи лаврскихъ архимандритовъ.

Такимъ образомъ, признаваемый доселѣ изслѣдователями болѣе чѣмъ двухъ-лѣтній промежутокъ между смертію З. Копыстенскаго и избраніемъ на

его мѣсто П. Могилы сокращается до пяти мѣсяцевъ; а слѣдовательно, по крайней мѣрѣ на столько же, должно быть сокращено и время искательства Могилою кіево-печерской архимандріи и, если можно такъ выразиться, борьбы за нее. Но тѣмъ не менѣе, борьба — хотя и не столь продолжительная, какъ принято считать, — существовала. Что давало пищу для нея?

Оказывается, что не одинъ Могила искалъ освободившагося по смерти З. Копыстенскаго мѣста; но были и другіе претенденты, желавшіе быть кіево-печерскими архимандритами и находившіе для себя поддержку, какъ со стороны лаврской братіи, такъ и со стороны другихъ лицъ, имѣвшихъ въ данномъ случаѣ то или другое значеніе. Относительно одного изъ такихъ претендентовъ мы имѣемъ положительныя указанія. Изъ упомянутаго письма Якова Маркарта къ В. Рутскому¹¹⁾ видно, что прежде чѣмъ состоялось избраніе на кіево-печерскую архимандрію П. Могилы, подобную же елекцію на означенное мѣсто выхлопоталъ для себя *велебный отецъ (Германъ) Тышкевичъ*. — Въ разсматриваемое время Тышкевичъ былъ униатомъ, но лѣтъ за 15 передъ этимъ, мы его встрѣчаемъ въ числѣ православной монашествующей братіи и притомъ какъ лице, пользовавшееся довѣріемъ со стороны кіево-печерскаго архимандрита Е. Плетенецкаго, который поручалъ ему, въ качествѣ намѣстника, управленіе лещинскимъ монастыремъ¹²⁾. Эти преж-

¹¹⁾ Прилож. № XLIX.

¹²⁾ Арх. Греко-униат. мтр., связка № 38.

нія отношенія къ кієво-печерской братіи, а главнымъ образомъ надежда на сильную поддержку со стороны кієвскаго воеводы, находившагося съ Тышкевичемъ въ близкомъ родствѣ, кажется, и дали поводъ Герману домогаться управленія богатою кієво-печерекою Лаврою. Латино-уніатская партія, еще съ самаго начала уніи стѣравшаяся о подчиненіи своему вліянію этой первоклассной южно-русской обители, разумѣется, была очень рада такому искательству и оказывала Тышкевичу всевозможное содѣйствіе. По крайней мѣрѣ, дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ уніатскаго митрополита В. Рутскаго не подлежитъ сомнѣнію¹³⁾. Но не смотря на все это, для Могилы Тышкевичъ не могъ быть опаснымъ соперникомъ. Кієво-печерская обитель съ самаго начала уніи враждебно отнеслась къ ней и во все послѣдующее время, не смотря на разнообразныя попытки латино-уніатской партіи склонить ее на свою сторону, неизмѣнно оставалась вѣрною охранительницею православія. Напрасно папы слали буллы, которыми поручали Лавру вѣденію уніатскихъ митрополитовъ, напрасно король издавалъ въ томъ же смыслѣ неоднократные приказы, — кієво-печерскіе иноки энергично защищались отъ латино-уніатскаго вліянія и своею стойкостію достигли того, что уніатскіе митрополиты потеряли всякую надежду управлять ихъ обителію. Поэтому, трудно предложить, чтобы лаврская братія, по смерти своего строго-православнаго архимандрита, могла допустить къ

¹³⁾ См. упомянутое письмо Маркарта къ В. Рутскому.

занятію его мѣста уніата, хотя бы даже на то послѣдовало и королевское повелѣніе (чего однако не было). Очевидно, что избирательный актъ Тышкевича не могъ имѣть дѣйствительнаго значенія. Если на его сторону и рѣшились стать нѣкоторые изъ кіево-печерскихъ иноковъ, — то, безъ сомнѣнія, они составляли самое незначительное меньшинство и на ходъ дѣла не могли имѣть никакого значенія. Даже среди самой латино-уніатской партіи были лица, считавшія елекцію своего претендента *подозрительною и не имѣющею большаго значенія* (suspectam et minus validam) ¹⁵⁾.

Гораздо опаснѣе для Могилы былъ другой претендентъ. Хотя объ его искательствѣ кіево-печерской обители мы не имѣемъ прямыхъ указаній; но, намъ кажется, что сопоставленіе слѣдующихъ данныхъ и соображеній даетъ достаточное основаніе для предположенія о дѣйствительности этого искательства. Намъ извѣстно удостовѣреніе, данное обывателями пинскаго повѣта игумену дятеловецкаго монастыря Василию Боныстенскому въ томъ, что онъ, управляя обителью, велъ себя богобоязненно, своею жизнію показывалъ добрые примѣры, проповѣдывалъ въ церкви Слово Божіе, имѣлъ хорошее попеченіе о монастырскихъ имѣніяхъ, охранялъ подданныхъ этихъ имѣній отъ различныхъ неприятели, не щадя при этомъ собственныхъ денегъ, — словомъ поступалъ во всемъ „цноливе, побожне, статечне, якъ на станъ духовный его милости подобало ¹⁶⁾“. Подобныя удо-

¹⁴⁾ Прилож. № XLIX.

¹⁵⁾ Прилож. № LII.

стовѣренія брались духовными лицами преимущественно при ихъ переходахъ изъ одного мѣста въ другое и служили для нихъ какъ бы рекомендательными письмами. — Если мы обратимъ вниманіе на годъ и мѣсяць (30 ноября 1627 г.), въ которые выдано было дятеловецкому игумену означенное удостовѣреніе, то увидимъ, что они падаютъ на то время, когда мѣсто В. Копыстенскаго еще не было занято, хотя избраніе на него двухъ лицъ и состоялось уже нѣсколько мѣсяцевъ. — Разумѣется, на основаніи одного этого совпаденія было бы слишкомъ большою натяжкою дѣлать выводъ, что дятеловецкій игумень, заручаясь похвальнымъ свидѣтельствомъ, имѣлъ въ виду поступленіе на незанятую кіево-печерскую архимандрію. Но такой выводъ покажется очень правдоподобнымъ, если, кромѣ означеннаго совпаденія, мы примемъ во вниманіе еще слѣдующія данныя и соображенія: 1) Василій Копыстенскій былъ родственникомъ умершему архимандриту Захарію; между тѣмъ въ разсматриваемое время было дѣломъ довольно обыкновеннымъ, что высшія іерархическія мѣста переходили какъ бы по наследству отъ отца къ сыну, отъ дяди къ племяннику, отъ брата къ брату. Поэтому, у В. Копыстенскаго естественно могло явиться желаніе промѣнить дятеловецкое игуменство на болѣе выгодное мѣсто кіево-печерскаго архимандрита, занимаемое предъ тѣмъ его умершимъ родственникомъ. Но, во 2-хъ, кромѣ родственныхъ отношеній между Васиціемъ и Захаріемъ Копыстенскими, въ данномъ случаѣ особенно важны для насъ отношенія между самыми

обителями — дятеловецкою и кіево-печерскою. Дятеловецкая обитель, основанная въ 1622 году Константиномъ Далматомъ, находилась въ самой тѣсной связи съ кіево-печерскою Лаврою. Далмать, убѣжденный въ благотворномъ вліяніи послѣдней для православія, упросилъ кіево-печерскаго архимандрита Е. Плетенецкаго *уфундовать* основанную имъ обитель: послать изъ управляемой имъ Лавры часть монашествующей братіи и „подать“ ей игумена; а затѣмъ завѣщаль, чтобы означенная обитель *по всѣмъ вѣки* находилась въ зависимости отъ кіево-печерскихъ архимандритовъ, пребывающихъ въ единеніи съ константинопольскими патріархами¹⁷⁾. Такимъ образомъ, дятеловецкая обитель составляла какъ бы колонію Лавры; изъ послѣдней были здѣсь братія и игумень. — Когда умеръ кіево-печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій, то естественно, что первыми кандидатами на его мѣсто, въ глазахъ большинства кіево-печерскихъ иноковъ, были лучшіе люди изъ ихъ собственной среды. Печальное положеніе Лавры въ концѣ XVI столѣтія, одною изъ главныхъ причинъ котораго были неурядицы вслѣдствіе неудачнаго выбора архимандритовъ, большею частію заботившихся только о своихъ личныхъ интересахъ, — научило лаврскую братію осторожнѣе относиться къ подобнымъ избраніямъ. Была принята даже мѣра къ прекращенію на будущее время попытокъ къ занятію архимандричьяго мѣ-

17) См. предисловіе къ *Бесѣдамъ на дѣянія св. Апостолъ иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго*, изд. 1624 г., въ Кіевѣ. (Прилож. № III).

ста людьми неблагонадежными или малоизвестными братіи. Мѣра эта состояла въ избраніи кіево-печерскимъ архимандритомъ достойнаго себѣ преемника еще при своей жизни. Такимъ преемникомъ архимандритъ Е. Плетенецкій назначилъ себѣ, отличавшагося особенною ревностію къ православію, Захарію Копыстенскаго. Известно, что воля Плетенецкаго была исполнена. Но самъ З. Копыстенскій, можетъ быть по случаю своего непродолжительнаго управленія обителию, не успѣлъ послѣдовать примѣру своего предшественника: умеръ, не назначивъ себѣ преемника. Избраніемъ послѣдняго должна была озаботиться сама кіево-печерская братія, и—какъ мы замѣтили—ей естественно было искать себѣ настоящаго между лучшими лицами изъ своей собственной среды. Неудивительно поэтому, что взоры многихъ лаврскихъ братій обратились къ дятеловецкому игумену. Онъ съ хорошей стороны зарекомендовалъ себя предъ Е. Плетенецкимъ, память котораго свято чтилась лаврскими иноками; онъ находился въ родственныхъ связяхъ съ другимъ высокоуважаемымъ архимандритомъ З. Копыстенскимъ; онъ, наконецъ, своею похвальною дѣятельностію въ званіи игумена приписной къ Лаврѣ обители, заслужилъ всеобщее уваженіе и любовь.—Повторяемъ, такой человекъ не могъ не быть опаснымъ конкурентомъ для Могилы, противъ законности избранія котораго недовольная имъ братія могла выставить не мало возраженій.

Въ то время, когда П. Могила искалъ настоящаго въ кіево-печерской обители ему было

только 30 лѣтъ. Молодость молдавскаго воеводича, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, и была главною причиною, почему многіе изъ лаврскихъ иноковъ не ждали имѣть его своимъ архимандритомъ: они видѣли въ немъ слишкомъ молодаго, а потому и слишкомъ неопытнаго для такого званія человека¹⁸⁾. Безъ сомнѣнія, и указанная причина могла служить немаловажнымъ мотивомъ къ устраненію исцѣлительства Могилою архимандріи. Въ разсматриваемое время православными южно-руссами глубоко сознавъ былъ вредъ, происходившій отъ замѣщенія высшихъ іерархическихъ мѣстъ молодыми дворянами, весьма рѣдко оставлявшими свои свѣтскія привычки и юношескія шалости¹⁹⁾, а потому, въ большинствѣ случаевъ, на болѣе важныя духовныя должности стали избираться *маститые старцы*, успѣвшіе обратить на себя вниманіе долгодѣтними своими подвигами для пользы православія. Неудивительно, такимъ образомъ, что молодость Могилы не могла благопріятствовать въ глазахъ лаврской братіи его видамъ относительно занятія архимандріи... Но едва-ли не важнѣе былъ другой мотивъ къ устраненію молдавскаго воеводича отъ настоятельства въ Лаврѣ, — мотивъ, обоснованный на произхожденіи Могилы изъ „земли чуждой“. Южно-руссы, подобно тому какъ и жители собственно польскихъ областей, не разъ просили правительство, чтобы

¹⁸⁾ Описаніе кіево-печерской Лавры; статья о П. Могилѣ въ Чтен. Импер. общ. Истор. и Древн. Росс. (1877 г. кн. 1. стр. 8); Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей. Н. И. Костомарова. (вып. IV. изд. 1874 г., стр. 74).

¹⁹⁾ Ἐρημοί... М. Смотрицкаго. изд. 1610 г.

„чужоземцы имѣней не посѣдали, а урядовъ некоторымъ правомъ абы не держали, але ижъбы сьномъ и обывателемъ великаго князьства влады даваны были со всеми пожитки давными ²⁰⁾“.— Польскіе короли не разъ давали обѣщаніе исполнять подобныя просьбы. Такъ еще Ярайло въ 1433 г. заявлялъ, что онъ „духовныя и свѣтскія должности, по смерти лицъ, занимавшихъ оныя, не будетъ давать никому изъ стороннихъ чужеземцовъ (żadnemu cudzoziemcowi postronnemu), но только заслужившимъ и славнѣйшимъ шляхтичамъ той земли, въ которой будетъ свободна должность, т. е. въ землѣ краковской—обывателю краковскому, въ сендомірской—сендомірскому, и т. д. ²¹⁾.“ Это постановленіе подтверждено было не разъ и послѣдующими польскими королями ²²⁾. Уклоненіе отъ этого постановленія всегда вызывало протесты со стороны мѣстныхъ обывателей, заинтересованныхъ въ назначеніи къ нимъ должностныхъ лицъ. Такъ, когда по перемѣщеніи виленскаго бискупа Юрія Радзивилла на кра-

²⁰⁾ А. З. Р. III. № 11 стр. 25. Срав. 3-й пунктъ просьбы „земли жомойтское“ въ томъ же № стр. 38. См. также №№ 13 и 24.

²¹⁾ Statuta y metryka przywilejow koronnych. (Мѣсто и годъ изданія не обозначены; книга хранится въ библиотекѣ Имп. Унив. св. Владиміра, въ Кіевѣ, по каталогу 1854—1855 гг. подъ № 47116), стр. 181.

²²⁾ Ibid. стр. 73 и 74. Такъ, въ 1538 г., Сигизмундъ Августъ обѣщаль, что „żadnemu napotym na wieczne czasy cudzoziemcowi, iakich zamkow abo dostojenstw nie damy, ani potomkowie naszymy nie dadzą. A któryby kolwiek przeciwko ninieyszey ustawie iaki urząd albo dostojenstwo trzymał y napomniony nie puseił; dobra jego mają być do skarbu obroczone, a sam ma być beze czci.

ковскую кафедру, на его мѣсто назначенъ былъ луцкій бискупъ Бернардь Мацѣевскій, по происхожденію полякъ (а не литвинъ),—виленскіе граждане, не смотря на то, что назначеніе Мацѣевскаго утверждено было папою, не допустили его до занятія епископій, заявляя, что они желаютъ видѣть на означенномъ мѣстѣ своего земляка (*rodaka ich ziomka*); а когда польское правительство настоятельно требовало возведенія Мацѣевскаго на виленскую кафедру, литовцы энергично доказывали незаконность подобнаго требованія, противнаго *konstytucyey o wakancyach parisaney*, и заявили, что они не измѣнятъ своего рѣшенія и будутъ его отстаивать „do gardł swych”²³). Введенный на перемышльскую кафедру Аѳанасій Крупецкій не былъ признанъ православными за своего пастыря; въ ряду доказательствъ незаконнаго занятія Крупецкимъ епископій, выставлено было на видъ, между прочимъ, и то, что онъ по своему происхожденію былъ *волынецъ* (а не уроженецъ земли перемышльской)²⁴).—Такимъ образомъ, недружественно расположенная къ Могилѣ лаврская братія въ противовѣстъ его искательству кіево-печерской архимандріи могла указывать на *государственное узаконеніе*, запрещавшее иностранцамъ занимать въ польскихъ и литовско-русскихъ областяхъ какъ свѣтскія, такъ и духовныя должности. Безъ сомнѣнія, узаконеніе это не

²³) Кс. Win. Przytyłowski. Żywoty Biskupów Wileńskich. Peterburg. 1860 II 28—29.—Прилож. № XV, стр. 46.

²⁴) См. предисловіе къ сочиненію издан. въ 1612 года, *Андреемъ Сускимъ*, подъ заглавіемъ: „Deklaratio statutów koronnych y beneficij Russkich”.

доброжелатели Могилы не преминули выставить на видъ при разсужденіяхъ объ его елекціи... Укажемъ еще на одинъ возможный мотивъ къ устраненію молдавскаго воеводича отъ настоятельства въ Лаврѣ. Изъ памятниковъ того времени видно, что П. Могила еще до поступленія своего на кіево-печерскую архимандрію познакомился (безъ сомнѣнія въ Кіевѣ) съ полоцкимъ архіепископомъ М. Смотрицкимъ и находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, лаврская братія—какъ увидимъ—имѣла нѣкоторыя основанія недружелюбно смотрѣть на Мелетія; недружелюбіе это простиралось до того, что когда въ 1626 г. полоцкій архіепископъ, возвращаясь съ Востока, намѣревался остановиться въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей,—лаврскій архимандритъ З. Копыстенскій не только не пустилъ его въ свою обитель, но даже настаивалъ на томъ, чтобы и прочіе настоятели поступили съ Мелетіемъ точно также. Такимъ образомъ, даже добрыя отношенія Могилы къ Смотрицкому, въ глазахъ нѣкоторыхъ лаврскихъ братій, не могли служить хорошею для него рекомендаціею.

Но не смотря на всѣ указанная нами препятствія, П. Могила, какъ извѣстно, достигъ своей цѣли: получилъ отъ лаврской братіи и обывателей кіевскаго воеводства избирательный листъ, выхлопоталъ его подтвержденіе отъ польскаго короля и, посвятившись въ санъ архимандрита, вступилъ въ управленіе кіево-печерскою обителію. Нѣтъ сомнѣнія, что Могила въ данномъ случаѣ оказана была существенная поддержка со стороны его *искреннѣйшаго*

доброжелателя митрополита Іова Борецкаго, вліяніе котораго на лаврскую братію и особенно на кievское дворянство—въ интересахъ молдавскаго воеводича,—могло быть значитильно. Но особенно весьма много зависѣлъ успѣхъ Могилы отъ содѣйствія, оказаннаго ему вліятельными польскими магнатами, дружественно расположенными къ его фамилии. Дипломъ короля, утверждающій елекцію, выданъ былъ, благодаря означенному содѣйствію. Указаніе относительно этого дѣлаеть самъ Могила. Такъ, посвящая Яну Замойскому издаваемый Лаврою *Триодіонъ*, онъ благодаритъ этого магната за его доброе расположеніе какъ къ фамилии Могилъ вообще, такъ въ частности и къ нему—архимандриту. „И я самъ—пишетъ Могила—отъ вельможности вашей такъ еще въ свѣтскомъ станѣ будучи, яко тежъ вступивши въ санъ законничій духовный, гоине естемъ добродѣйствъ приоздобленный; поневажъ и того самаго бенефиціумъ Архимандріи Кіевской Печерской за презентацію, залеченемъ и милостивою итерцессією отъ В. М., моего милостиваго пана и добродзья, до маестату Его Бор. милости поважне пилю и праве упрійме чиненого, доступилемъ“.

Наконецъ, касательно времени самага акта посвященія Петра Могилы въ санъ кievо-печерскаго архимандрита, замѣтимъ, что данными для приближительнаго опредѣленія онаго служатъ: во 1-хъ, изданная въ концѣ 1627 года лаврскою типографією брошюра, заключающая въ себѣ переводъ съ греческаго *поученій діакона Агапита*; изъ витіевитаго посвятительнаго предисловія къ этой брошюрѣ, помѣчен-

наго *первымъ декабря* означеннаго года, видно, что къ тому времени посвященіе Могилы *еще не состоялось*: онъ называется еще только *произбраинымъ съ Господомъ въ предстательство старѣйшїа паствы постыицествующихъ* (т. е. иноковъ кїево-печерской обители); во 2-хъ, нѣсколько судебныхъ актовъ (въ польской коронной метрицѣ), изъ коихъ видно, что *въ январь мѣсяць 1628 года* повѣренные кїево-печерской обители ведутъ ея дѣла отъ имени не одной только лаврской капитулы (какъ это было послѣ смерти З. Копыстенскаго, когда его мѣсто еще не было занято), но вмѣстѣ съ тѣмъ и *отъ имени лаврскаго архимандрита*; слѣдовательно, посвященіе П. Могилы *къ этому времени уже состоялось*. — Весьма вѣроятно, что актъ посвященїа Могилы на кїево-печерскую архимандрїю совершенъ былъ въ декабрѣ 1627 года, — или въ день его рожденїа (21-го декабря), или въ одинъ изъ праздничныхъ дней Рождества Христова.